

Региональное прочтение репрессивной политики Советского государства

Рецензия на монографическое исследование доктора исторических наук, доцента, ведущего научного сотрудника сектора современной истории ИГИ Академии наук Чеченской Республики Эльбиздукаевой Т.У. «*Политические репрессии на территории Чечни и Ингушетии в 1920–1930 годы*». – Махачкала: АЛЕФ (ИП Овчинников М.А.). 2015. 840 с.

В современной Чеченской Республике доктор исторических наук, доцент Тамара Умаровна Эльбиздукаева является, на мой взгляд, одной из самых талантливых и работоспособных профессиональных историков. Она своими исследованиями заметно обогащает историографию Кавказа XX века. Получив блестящее базовое историческое образование, она провела ряд ценных исследований, которые ставят ее в один ряд с наиболее известными и авторитетными учеными-кавказоведами. Недавно она выпустила огромный фолиант на актуальную тему «Политические репрессии на территории Чечни и Ингушетии в 1920–1930 годы», которая, на мой взгляд, получит высокие оценки, поскольку политический террор 1920–1930-х гг. не только на Северном Кавказе, но и в бывшем Советском Союзе в той или иной степени затронул все слои общества, национальности, поколения советских людей.

Профессиональный интерес историков к обозначенному периоду объясняется тем, что корни многих негативных явлений, имевших место в годы социалистического эксперимента в СССР, «доросли» до наших дней.

История советского общества стала предметом острых политических и научных дискуссий в современной Российской Федерации. Сегодня особую актуальность представляет необходимость профессионального, основанного на серьезных документах регионального прочтения репрессивной политики Советского государства.

Чечня и Ингушетия имеют все основания быть включенными в региональный анализ. Специфика осуществлявшихся здесь репрессий выступает одним из индикаторов общего отношения власти к Северному Кавказу.

Как показывает пример Кавказа, коллективные травмы прошлого в условиях современных политических кризисов и военных конфликтов

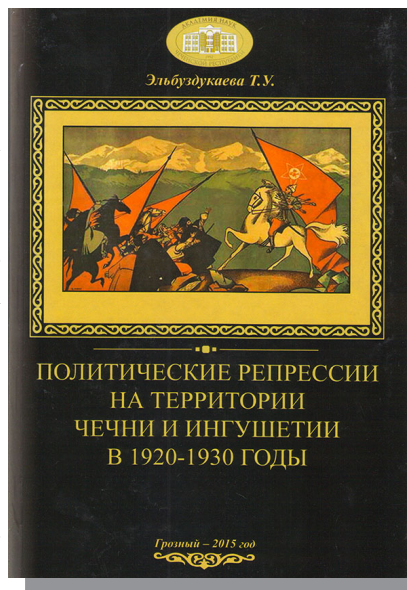
легко активизируются и политизируются, что на руку разного рода экстремистам. Наличие подобных явлений ставит на повестку дня более глубокое изучение сталинской репрессивной политики, широкую популяризацию научных достижений по данной проблематике с тем, чтобы способствовать преодолению стереотипов советского идеологического и политического наследия.

Грамотная постановка проблемы, вычленение узловых вопросов, использование обновленного понятийного аппарата, а также преодоление междисциплинарных барьеров – все это дало возможность автору монографии получить емкую и всестороннюю

картину понимания важной исторической проблемы – проблемы политических репрессий на территории Чечни и Ингушетии в 1920–1930 годы. Этим автор вносит большой личный вклад в историческую науку. При этом обращаю внимание, что тема исследования носит междисциплинарный характер, и для ее разработки Т.У. Эльбиздукаева использовала необходимые сведения из смежных дисциплин: истории, политологии, юриспруденции, социологии и т. д.

Междисциплинарный подход позволил включить в источниковую базу исследования работ не только историков, но и политологов, юристов, публицистов, которые внесли свой вклад в разработку рассматриваемых в монографии проблем. Расширение источниковой базы продиктовано основной целью работы – выявить степень изученности этих проблем. При анализе представленных концепций и точек зрения автор следовал принципу плюрализма, т. е. пытался оценить логику и степень аргументированности основных концептуальных положений.

Монография состоит из введения, восьми глав, заключения, библиографии и приложения. Во введении Т.У. Эльбиздукаева обосновывает выбор темы исследования, ее актуальность, определяет хронологические и территориально-

географические границы, методологию и источники, объект, предмет, формулирует интересную гипотезу исследования.

По мнению автора, репрессивная политика, проводимая в Чечено-Ингушской АССР в 1920–1930-е гг. в отношении различных слоев населения, была бы не столь трагична, если бы исполнители на местах не проявляли излишнее рвение в ее реализации. Целью монографического исследования является анализ политических репрессий 20–30-х годов XX века в Чечне и Ингушетии, их региональных особенностей и особенно трагических последствий. Для достижения цели были поставлены следующие важные задачи:

1. Выявить теоретические и методологические проблемы изучения политических репрессий в регионе. Определить круг наименее изученных и неразрешенных проблем темы, а также наметить перспективы их дальнейшей научной разработки;

2. Реконструировать подготовку и особенности осуществления общевоинских операций по разоружению Чечни на разных этапах ее проведения;

3. Проанализировать особенности проведения репрессивной политики в отношении терского казачества;

4. Раскрыть правовую базу и механизм террора в 20–30-е гг. XX в. и ее региональный аспект;

5. Показать региональную специфику реализации приказа НКВД СССР № 00447 в Чечено-Ингушетии;

6. Охарактеризовать борьбу советской власти с мусульманским духовенством;

7. Проанализировать особенности раскулачивания крестьянских хозяйств в Чечне в годы коллективизации;

8. Проследить реализацию репрессивной политики в отношении интеллигенции;

9. Подвести итоги, выявить последствия репрессий 1920–1930-х гг. для народов Чечено-Ингушетии и понять, как они способствовали складыванию тоталитаризма в республике.

Научная новизна исследования заключается в комплексной реконструкции и конкретно-историческом анализе мероприятий и особенностей репрессивной политики в Чечено-Ингушской АССР в 20–30-е гг. XX в.

В I главе «Историография репрессий 1920–1930-х гг. на территории Чечни и Ингушетии», состоящей из трех параграфов, дается подробный анализ историографии репрессий 1920–1930-х гг. советского периода; новейшей отечественной и зарубежной историографии; источниковой базы исследования.

Обращаю внимание, что источниковой базой исследования явились документы Российско-

го государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Центра документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО); Государственного архива Ростовской области (ГАРО), Архивного управления Правительства Чеченской Республики (АУПЧР); Центрального государственного архива Республики Северная Осетия-Алания (ЦГА РСО-А); Центрального государственного архива историко-партийной документации Республики Северная Осетия-Алания (ЦГАИПД РСО-А), директивные документы партии и правительства РСФСР и СССР, сборники документов и материалов, статистические источники, периодическая печать, включая и журналы того периода, мемуары и т. д.

Следует подчеркнуть, что обращение к опубликованным и неопубликованным первоисточникам помогло автору определить собственное мнение по спорным проблемам, а также сформулировать историографические задачи. Замечу, что собственное мнение автора опирается на современные достижения исторической науки и глубокий анализ уникальных архивных документов, что должно привлечь внимание к исследованию не только специалистов, но и широкие круги читающей публики.

Глава II. «Правовая база и механизм террора в 20–30-е гг. XX в. и ее региональный аспект» раскрывает государственно-правовую базу террора. Автор приходит к выводу, что механизм репрессий был создан государством, а партийное руководство использовало его в качестве средства для политического, экономического, социального и иного регулирования жизни общества. В исследовании проводится анализ сущности коммунистического террора, который был неизбежен, как подчеркивает автор на с. 65, «поскольку насилие на государственном уровне было единственным способом удержать власть». Мне представляется этот вывод спорным, однако признаю право автора и на спорные утверждения. Хочу обратить внимание и автора, и других, кто придерживается такой точки зрения на то, что большинство советских людей, в том числе и на Северном Кавказе в 30-е гг. XX в., поддерживали директивы советской власти и правительства страны. Можно согласиться с автором, когда она утверждает, что «правовым основанием для массовых репрессий служили указания, директивы, декреты центральных партийных и советских органов, а также ведомственные административные правила, с помощью которых функционировала репрессивная машина» (с. 66). С 1922 по 1928 гг. в нашей стране лишали избирательных прав всех, кто не поддерживал советскую власть. Принцип лишения избирательных прав, как один из критериев деления обще-

ства на категории трудящихся и нетрудящихся, был закреплен в Конституции РСФСР 1918 года. Отталкиваясь от этой конституционной установки, автор ведет глубокий научный анализ, объясняющий лишение избирательных прав граждан нашей страны. Следует согласиться с автором, когда она утверждает, что «в дальнейшем лишение избирательных прав рассматривалось как дополнительный вид репрессии, который одновременно мог рассматриваться как условие применения к лицу политических репрессий» (с. 67).

Глава III. «Разоружение Чечни» состоит из двух параграфов: «Разоружение Чечни в начале 1920-х гг. Операция по разоружению 1925 года» и «Разоружение Чечни в годы коллективизации». Т.У. Эльбиздукаева считает, что наличие перманентного военно-политического напряжения в регионе формировало атмосферу недоверия между центром и местными органами власти. Это привело, с одной стороны, к увеличению доли представителей некоренного народа во властных структурах, а с другой, к увеличению роли военной администрации и органов НКВД в поддержании внутренней стабильности в регионе. Мобилизации и различного рода реквизиции продовольствия, которые проводились Добровольческой армией генерала А.И. Деникина, сменились продразверсткой и борьбой с «буржуазно-националистическими», «кулацкими мятежами», «религиозными предрассудками», которые навязывались, как известно, Советским государством. Такая внутренняя политика, как справедливо подчеркивает на с. 95 своего исследования автор, не могла не привести к восстаниям против советской власти уже в первые годы социалистического строительства. Антисоветские выступления охватывали не только отдельные населенные пункты, но и целые районы. Автор права в том, что сопротивление новым властям, как правило, организовывали влиятельные деятели мусульманского духовенства, которых активно поддерживали бывшие крупные землевладельцы, представители дворянского сословия и различного рода носители авторитетных фамилий, как, например, внук Шамиля Саид-Бек. В исследовании приводятся проверенные данные о том, что в сентябре 1920 года известный предводитель антисоветских сил Дагестана и Чечни, крупный скотовод и ученый-арабист Нажмутдин Гоцинский со своими сподвижниками поднял мятеж в горных районах Чечни и северной части Дагестана. Приводятся убедительные статистические данные о большом количестве вооруженных боевиков и кавалеристов, которые имели хорошее вооружение, начиная от винтовок и заканчивая крупными орудиями. Автор приводит данные о том, что в отрядах мятежников было немало инструкторов

из Турции, Великобритании и других государств. Проводя аналогию между тем, что было тогда и в 90-е гг. XX в. на Северном Кавказе, легко можно убедиться, причем на проверенных фактах, что как только многонациональный и многоконфессиональный регион начинает испытывать нестабильность, проблемы с сепаратизмом и экстремизмом, появляются иностранные «инструкторы», различного рода «добровольцы», денежные вознаграждения для тех, кто борется за отторжение Северного Кавказа от России. Это стало зловещей закономерностью. Впрочем, это называется по-другому – геополитикой.

Большое внимание автор уделяет коллективизации сельского хозяйства на Северном Кавказе, которая во многом нарушила вековой уклад жизни горцев, вызвала острое недовольство в различных слоях чеченского и ингушского общества.

Глава IV. «Репрессии в отношении терских казаков» состоит из двух параграфов: «Раскачивание на Тереке в период гражданской войны (1918–1920-х гг.)» и «Антиказачья политика советской власти в 20–30-е гг. XX в. Частичная реабилитация казаков». Большое удовлетворение доставляет то, что чеченская исследовательница, которая прекрасно понимает, что такое депортация народов, в том числе чеченского в 1944 году, обращает пристальное внимание на причины, характер и последствия депортации терских и сунженских казаков. Решение об этом, как известно специалистам, было принято органами советской власти и непосредственно Г.К. Орджоникидзе в годы Гражданской войны. На основе анализа документов автор приходит к выводу, что, выселив казаков, областная большевистская власть не смогла обеспечить полностью нормальное существование и переселенцев-горцев (в основном чеченцев и ингушей). Хотя справедливости ради необходимо подчеркнуть, что в результате выселения из области казаков жизнь горцев, остро нуждавшихся в земельных участках, стала заметно лучше. В исследовании приводятся интересные архивные документы, другие уникальные источники, из которых явствует, что земельный вопрос на Северном Кавказе решался чрезвычайно сложно, с исключительными противоречиями, когда в некоторых местах дело доходило до человеческой крови. Исследователь верно подмечает, что несмотря на многомиллионное «прореживание» и фактическое уничтожение общины, идеологического уравнивания в казачьей среде, большевистскому режиму полностью уничтожить казачий дух не удалось. Казачество за два десятилетия после Гражданской войны не растворилось в окружающем постреволюционном этническом замесе, сохранило устойчивые элементы самосознания,

и уже в постсоветское время мы стали очевидцами настоящего возрождения казачества, в том числе и на Северном Кавказе. Хотя еще в октябре 1920 года Г.К. Орджоникидзе докладывал В.И. Ленину, что 18 станиц с 60-тысячным населением выселено с Терека и в результате «станции Сунженская, Тарская, Фельдмаршальская, Романовская, Ермоловская и другие нами освобождены от казаков и переданы горцам – ингушам и чеченцам» (см.: Орджоникидзе Г.К. Статьи и речи. Том 1. М., 1956. С. 76, 131, 193).

Глава V. «Раскулачивание крестьянских хозяйств» состоит из двух параграфов: «От кооперации к форсированной коллективизации» и «Политика раскулачивания и ее особенности в Чечено-Ингушетии». Автор, внимательно проанализировав сотни различных документов, архивных источников, газетных статей не только 20–30 гг. XX века, но и постсоветского периода, воспоминания участников событий почти столетней давности приходит, на мой взгляд, к обоснованному выводу о том, что кампания по «раскулачиванию» преследовала откровенно репрессивные и конфискационные цели. Решая ближайшие прагматические задачи и подвергая крестьян высылке, власти не очень заботились о дальнейшей судьбе репрессированных. Реакция на политику объединения в колхозы и обобществление крестьянского имущества была в основном отрицательной во многих районах страны, в том числе и на Северном Кавказе. Автор справедливо подчеркивает, что неприятие коллективизации значительной частью населения выразилось в самой крайней форме проявления недовольства – в форме вооруженных выступлений. В Чечне и Ингушетии обстановка обострилась с началом кампании сплошной коллективизации. В ходе насильственной коллективизации сельского хозяйства, проведенной в нашей стране в 1928–1932 гг., шла ожесточенная борьба с антиколхозными элементами, которые объединились с антисоветскими силами и вели ожесточенную борьбу с государственной властью. В такой сложной обстановке происходило жестокое подавление антисоветских выступлений крестьян и на Северном Кавказе, в частности в Чечне и Ингушетии. В исследовании подчеркивается, что теоретическим оправданием массовых репрессий того периода послужила так называемая концепция большевистской партии о обострении классовой борьбы в СССР по мере продвижения страны к социализму. Данная концепция, которая оказалась неверной, послужила причиной многих бед и трагедий. Об этом Т.У. Эльбуздукаева подробно рассказывает в пятой главе своей книги.

VI глава «Большой террор 1937–1938 гг.», состоящая из двух параграфов, раскрывает общие тенденции осуществления террора 1937–38 гг.

в СССР. Автор считает, что все потоки террора были направлены на достижение цели, поставленной Сталиным, а именно: на ликвидацию всех категорий граждан, которые якобы представляли собой потенциальную опасность для режима, особенно в условиях опасности новой войны (на это указывают новые документы, появившиеся в последнее время). Охарактеризовав коротко каждого руководителя НКВД, дав им в целом объективную оценку, автор уделяет внимание объединению Чеченской и Ингушской автономных областей в единую Чечено-Ингушскую автономию (с. 252). В начале декабря 1936 года в Москве завершил работу VIII Чрезвычайный съезд Советов, принявший вторую Конституцию СССР (Сталинскую Конституцию), по которой автономия чеченцев и ингушей официально стала называться Чечено-Ингушской автономной советской социалистической республикой. Это было реальное повышение статуса автономии, и поэтому вряд ли допустимо называть ее «номинальным повышением», как это делает автор на с. 252. Конечно, все республики в СССР, включая даже союзные, ставшие с развалом Советского Союза в 1991 году независимыми государствами, в определенном смысле имели номинальный характер государственности. Тем не менее, даже такая государственность, разумеется, должна поощряться по сравнению с тем, когда целые народы, даже миллионные, не имеют никакой государственности и самостоятельности. В этой связи хотелось бы провести аналогию между национально-государственным строительством в СССР с тем общественно-политическим состоянием, в котором уже многие годы находится Украина. Если бы в Донецкой и Луганской областях было что-либо из той «номинальной» государственности, которую имели советские автономии, в том числе и Чечено-Ингушская АССР, то, я уверен, не было бы кровопролития и фактического геноцида русскоязычного населения у наших соседей. В этой главе имеются в высшей степени интересные рассуждения автора, которая демонстрирует на высоком профессиональном уровне свои знания и опыт исследователя. Она справедливо подчеркивает, что приказы Н.И. Ежова по проведению массовых репрессий по линии НКВД обязывали местные органы НКВД «вскрывать повстанческие организации, шпионские и диверсионные группы» и т. д. В связи с чем сотрудники органов НКВД были поставлены перед необходимостью арестовывать целые группы людей. Дело часто даже доходило до того, что для придания видимости законности придумывались различные повстанческие, правотроцкистские, шпионско-террористические, диверсионно-вредительские и тому подобные организации.

В VII главе «Борьба советской власти с мусульманским духовенством» говорится о трансформации политики большевиков в отношении мусульманского духовенства.

В первые годы советской власти большевики проявляли осторожность и гибкость по отношению к мусульманам. В своей пропаганде они подчеркивали, что коммунизм и шариат совместимы, они дополняют друг друга. С середины 1920-х годов начались репрессии против духовенства, многие религиозные деятели Чечни и Ингушетии подверглись арестам, ссылкам и расстрелам, обвиненные в контрреволюционной и антисоветской деятельности.

Анализ разноплановых источников позволил автору работы установить, что прокатившаяся по Чечне и Ингушетии в конце 1920-х гг. волна арестов духовных лидеров, закрытие мечетей и мусульманских школ вызвали резко негативную реакцию населения и в особенности мусульманского духовенства.

Служители культа были приравнены к кулакам: задавленные налогами (налоги в 1928–1930 гг. возросли в десять раз), лишённые всех гражданских прав, возможности зарабатывать на жизнь, подведённые под категорию «паразитические элементы, живущие чужими доходами», духовенство стало, согласно официальной формуле, «осколком умирающих классов», они стали также подвергаться арестам, высылке или депортации.

В главе VIII рассматриваются репрессии в отношении технической, научной и творческой интеллигенции, а также борьба с так называемой оппозицией. Вытеснение «старой» интеллигенции из всех сфер общественной жизни привело к значительному снижению уровня интеллектуальной среды, утрате духовных традиций и нарушению преемственности между «старым» и «новым» поколением национальной интеллигенции. Сталинские репрессии способствовали устранению целого поколения старых кадров, культивируя исполнительно-приказные методы работы.

Репрессии приобрели видимость неизбежного и оправданного процесса. Они подорвали в мас-

совом сознании элементарные представления о праве и законности, породили в обществе страх, недоверие, подозрительность, способствовали укоренению в обществе агрессивности, крайней нетерпимости, ксенофобии, осознанию всесильности силовых органов и неоспоримости примата государства над правом и личностью.

Таким образом, Т. У. Эльбуздукаева в очередной раз порадовала нас, ученых-кавказоведов, коллег-историков, солидным и востребованным исследованием, которое будет иметь широкое практическое применение не только в социально-политической истории Чеченской и Ингушской республик, но в целом в истории народов Северного Кавказа, особенно советского периода. В научный оборот введены новые источники, что может способствовать постепенному преодолению сложившихся в исторической науке и общественном сознании определенных рода стереотипов. Приятно осознавать, что коллега из Чеченской Республики последовательно и целенаправленно решает все поставленные задачи, успешно достигнув тем самым своей цели. Уверен, что о новом исследовании автора еще лучше скажут другие ученые-кавказоведы, в том числе из Чеченской Республики. Добавлю, что в приложении к монографии помещены документы, расположенные по тематическому принципу, что позволяет более глубоко вникнуть в острую и злободневную проблему.

Краткий вывод. Прделана огромная исследовательская работа. Рецензируемая монография написана грамотным русским языком, с соблюдением научных правил и академических традиций, содержание излагается логично, текст корректно оформлен.

Монография Т.У. Эльбуздукаевой «Политические репрессии на территории Чечни и Ингушетии в 1920–1930 годы» представляет большой интерес, как для ученых – историков и политологов, так и для широкого круга читателей.

В.Д. Дзидзоев,
д. и. н., профессор
СОГУ им. К.Л. Хетагурова.

